
3 1761 06585550 4

Душевная жизнь Н. В. Гоголя въ связи съ его творчествомъ*).

При воспоминаніи о выдающихся личностяхъ современные намъ писатели, обыкновенно, останавливютъ свое вниманіе на самомъ человѣкѣ и на томъ, что онъ сдѣлалъ. Такъ слѣдовало-бы теперь поступать и намъ въ тотъ день, когда вся мыслящая Россія воспоминаетъ Н. В. Гоголя и проникнута однимъ общимъ чувствомъ благодарности къ этому великому писателю, оставившему намъ свои неувядаемыя произведенія.— Но говорить о послѣднихъ значитъ повторять то, что давно сдѣлалось общеизвѣстнымъ и общепризнаннымъ. Поэтому, минуя вопросъ о достоинствѣ сочиненій Н. В. Гоголя, остановимся на немъ самомъ и постараемся приподнять завѣсу съ его внутренней душевной жизни и показать, какимъ путемъ шелъ онъ въ своей творческой дѣятельности.

„Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно"—писалъ Гоголь незадолго до своей смерти С. Т. Аксакову, и слова его оказались пророческими. Прошло почти 60 лѣтъ со дня смерти Гоголя и 100 лѣтъ со дня его рожденія, но и теперь многіе русскіе люди такъ же односторонне понимаютъ и цѣнятъ его, какъ односторонне понимали и цѣ-

*) Рѣчь, произнесенная въ сокращеніи 19 марта въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи по случаю столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя.

При составленіи этой статьи мы пользовались, кромѣ сочиненій Гоголя въ изд. Маркса, еще слѣдующими произведеніями: В. И. Шенрокъ—Матеріалы для біографіи Гоголя т. 1—4. Георгіевскій. Гоголь въ его новыхъ письмахъ. (Русская Стар. 1909 г. мартъ). Св. Н. Стеллецкій. Религіозно-нравственное міровоззрѣніе Гоголя. Свящ. І. Доброправовъ. Гоголь, какъ христіанинъ (Странн. 1901 г. іюль). Личность Гоголя—(въ фельетонахъ Моск. Вѣд. 1902 г. февраль). Памяти Н. В. Гоголя—Елисѣевъ Г. (въ Русскомъ Богатствѣ 1902 г. февраль).

нили его современники. Вина въ этомъ падаетъ на критиковъ Гоголя и между ними прежде и больше всего на Бѣлинскаго, мнѣнія котораго считались законами въ русской критикѣ. Бѣлинскій, по чрезвычайно мѣткому опредѣленію Достоевскаго, подмѣтилъ въ Гоголѣ только то, что „онъ кого-то обличалъ". Послѣдующіе критики съ голоса своего учителя Бѣлинскаго, объявивъ Гоголя обличителемъ неприглядной русской дѣйствительности, стали отрицать всякое значеніе тѣхъ сочиненій Гоголя, въ которыхъ онъ являлся не поэтомъ-обличителемъ, а наставникомъ и руководителемъ общества въ нравственной жизни. Такія сочиненія, какъ „Авторская исповѣдь" и „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", они считали плодомъ психическаго разстройства, которымъ будто-бы Гоголь страдалъ въ послѣдніе годы своей жизни.

И только лѣтъ 14—15 тому назадъ нашъ Харьковскій уроженецъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, писавшій подъ псевдонимомъ Ю. Николаевъ, первый сдѣлалъ новую надлежащую оцѣнку Гоголя и его произведеній: въ цѣломъ рядѣ горячо и талантливо написанныхъ статей Говоруха показалъ русскому обществу въ Гоголѣ „образъ великаго христіанина и подвижника за землю свою и народъ свой", перваго нашего свѣтскаго писателя, который, проникшись христіанскими идеалами, всѣми своими силами стремился къ осуществленію ихъ въ своей личной жизни и въ жизни русскаго народа.

По словамъ Говорухи, Гоголь на все въ мірѣ смотрѣлъ и все описывалъ съ христіанской точки зрѣнія. И къ мрачнымъ явленіямъ жизни человѣческой онъ относился, какъ христіанинъ, вслѣдствіе чего они представляются намъ въ совершенно особомъ, своемъ истинномъ видѣ. Замѣтили прежніе критики, говоритъ Говоруха, что Гоголь, какъ никто другой, умѣетъ выставить на видъ пошлость пошлаго человѣка, но не замѣтили, какъ онъ относится къ этой пошлости, какъ онъ любитъ свою родину и свой народъ: онъ видѣлъ всѣ язвы его, но язвы любимаго существа, и потому жалѣлъ и любилъ его еще болѣе. Эту-то любовь къ русскому народу, просмотрѣнную критиками, Говоруха и отмѣчаетъ прежде всего въ Гоголѣ. Затѣмъ онъ указываетъ и другую черту Гоголя—высокое сми-

даже его совершенства. Вѣдь, и [illegible]
Гоголь и [illegible] прежде всего [illegible]
[illegible] на другой день. Го-
голь, [illegible]
[illegible] въ Гоголѣ только то, что [illegible]
[illegible]
[illegible] Гоголя [illegible]
[illegible]
Гоголя, [illegible]
[illegible]
[illegible] „[illegible]“ и „[illegible]
[illegible] съ друзьями“, [illegible]
[illegible]
[illegible] своей жизни.

И только лѣтъ 12—15 тому назадъ [illegible]
[illegible] о. Матвѣя [illegible]
[illegible]
Гоголя [illegible]
[illegible] Гоголя [illegible]
[illegible]
„[illegible]“, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] русскаго народа.

По словамъ [illegible], Гоголь [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Гоголя, что Гоголь [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Гоголя [illegible]
[illegible] Гоголь [illegible]

реніе, которое онъ проявлялъ, когда касался въ своихъ сочиненіяхъ мрачныхъ сторонъ русской жизни. Гоголь понималъ, что только писатель, проникшійся чувствомъ сознанія своей грѣховности, самосужденія, смиренія, вправѣ приступать къ изображенію недостатковъ другихъ людей: потому что только тогда онъ можетъ отнестись къ мелкому и ничтожному на взглядъ человѣку, какъ къ равному себѣ, какъ къ своему брату, и только тогда онъ можетъ произнести свой судъ надъ нимъ не какъ гордый и самодовольный фарисей, а какъ христіанинъ, живо чувствующій безконечную ничтожность каждаго человѣка предъ Богомъ, предъ Высшею Правдою, которая сіяетъ вѣчною укоризною нашей жизни, полной грѣха и неправды. „Какъ тусклая свѣча и самый яркій свѣтильникъ разнятся между собою, пока нѣтъ солнца, которое, явившись, сразу затмеваетъ ихъ ничтожный блескъ и уничтожаетъ это пустое различіе: такъ и предъ солнцемъ Вѣчной Правды, предъ сіяніемъ лика Христова стушевываются мелкіе людскіе добродѣтели и пороки, сливаясь въ одномъ тонѣ недостоинства и грѣховности человѣческой. Поэтому истинный художникъ можетъ произносить сужденіе свое о мелкихъ и пошлыхъ людяхъ не во имя своего мнимаго превосходства надъ ними, а во имя нелицемѣрной Правды Божіей: онъ долженъ судить ихъ, какъ кающійся грѣшникъ судитъ самого себя"... Такимъ образомъ, любовь и смиреніе освѣщали предъ Гоголемъ душу человѣческую. Благодаря такому отношенію къ жизни людей, Гоголь и сдѣлался великимъ художникомъ.

При великой любви къ людямъ и смиреніи Гоголь всю жизнь свою старался развить въ русскихъ людяхъ слабые зачатки добродѣтели. Вся жизнь его, по опредѣленію Говорухи-Отрока, была великимъ подвигомъ. „Онъ выпашивалъ въ душѣ своей наши грѣхи, наши болѣзни, наши язвы, распиналъ ихъ въ самомъ себѣ и потомъ выставлялъ на показъ, какъ-бы пригвождалъ ко кресту, во имя Божьей правды". И все это онъ дѣлалъ для того, чтобы призвать народъ свой къ покаянію и направить по истинному пути жизни.

Такую совершенно новую характеристику Гоголя и его творчества далъ около 15 лѣтъ назадъ талантливый критикъ

[illegible] онъ проникалъ, когда касался въ своихъ творе-
[illegible] отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Тонкій психологъ,
[illegible] опытомъ, проникшійся чувствомъ полнѣйшей своей
[illegible], самоуглубленія, смиренія, вѣрный христіанинъ въ
[illegible] недостатковъ другихъ людей: потому что только
[illegible] можетъ отнестись съ [illegible] и [illegible]
[illegible], какъ къ равному себѣ, [illegible] къ Божьему
[illegible] и только тогда онъ можетъ проникнуть въ [illegible]
[illegible] всякой горделивой и самолюбивой фарисейской, а тѣмъ бол-
[illegible] чувствующій безконечную ничтожность свою
[illegible] предъ Богомъ, предъ Пресвятою Церковью, [illegible]
[illegible] строгимъ судьею нашей жизни, полной грѣха и не-
[illegible] Какъ [illegible] себя и полный живой [illegible]
[illegible] собою, пока нѣтъ совѣсти, которое, [illegible],
[illegible] или истинной близости [illegible]
[illegible] такъ и предъ святыней Божіей Церкви,
[illegible] Христово ступаемъ [illegible]
[illegible] и порокъ, слились въ одномъ [illegible]
[illegible] человѣческой. Поэтому истинно христіанская
[illegible] сужденіе свое о людяхъ и поступкахъ ихъ
[illegible] своего личнаго превосходства надъ ними, а
[illegible] Церкви Божіей: кто можетъ судить
[illegible] Чувствующія судить самого себя... Только
[illegible] любви и смиренія освѣщали предъ Гоголемъ [illegible]
[illegible]. Благодаря такому отношенію къ жизни людей,
[illegible] великимъ художникомъ.
[illegible] любви къ людямъ и смиренія Гоголь [illegible]
[illegible] лучшихъ русскихъ людей [illegible]
[illegible]. Вся жизнь его, по [illegible]
[illegible] была великимъ подвигомъ. „[illegible]
[illegible] грѣхъ, [illegible]
[illegible] и потомъ [illegible]
[illegible] по кресту, во имя [illegible]
[illegible] для того, чтобы [illegible]
[illegible] направить по истинному пути жизни.
[illegible] поэтому [illegible] Гоголя и его
[illegible] около 15 лѣтъ назадъ [illegible]

на основаніи давно извѣстныхъ сочиненій Гоголя. Теперь, когда къ 100 лѣтію со дня рожденія Гоголя обнародовано почти все, что можетъ пролить свѣтъ на этого колосса родной поэзіи, теперь становится несомнѣннымъ, что изъ всѣхъ русскихъ критиковъ только Говоруха-Отрокъ взглянулъ на Гоголя и его творчество съ надлежащей точки зрѣнія. Лучшимъ доказательствомъ этого является Собраніе писемъ Н. В. Гоголя въ изд. Маркса, а также „Новыя письма Гоголя", найденныя Георгіевскимъ (Р. Старина 1909 г. Мартъ). Письма эти прекрасно изображаютъ духовный міръ писателя: съ одной стороны въ нихъ необыкновенною яркостію рисуется предъ нами картина постепеннаго развитія души его, картина постоянной, разнообразной и до боли мучительной работы надъ самоусовершенствованіемъ, съ другой—въ нихъ ясно намѣчается и цѣль этого самоусовершенствованія писателя—вызвать духовное обновленіе и помочь нравственному усовершенствованію какъ близкихъ къ Гоголю лицъ, такъ и всего русскаго народа. Читаешь эти письма, и предъ своимъ умственнымъ взоромъ видишь въ авторѣ ихъ не „холоднаго обличителя" не „поэта пошлости, оплевавшаго родину и народъ свой", а страстнаго проповѣдника Христовой правды, вдохновеннаго пророка, сознающаго всю громадность и отвѣтственность взятаго на себя подвига—воспитать себя въ духѣ Христова ученія и призвать къ покаянію, а затѣмъ и къ такому же воспитанію русскій народъ.

I.

Письма Гоголя ясно показываютъ нелѣпость сказки, сочиненной Бѣлинскимъ и, къ сожалѣнію, повторяемой даже нынѣ составителями учебниковъ по исторіи русской литературы, о рѣзкой перемѣнѣ въ міровоззрѣніи Гоголя, происшедшей въ послѣдніе годы его жизни, о превращеніи его изъ истиннаго художника, служившаго прогрессивнымъ стремленіямъ общества, въ апостола невѣжества, поборника неподвижнаго консерватизма, панегирика мракобѣсія, татарскихъ нравовъ и т. п., что будто бы вызвано было ослабленіемъ и потемнѣніемъ таланта или даже безуміемъ писателя.

на основаніи далеко неодобныхъ мнѣній Гоголя. Такимъ, когда въ 100-лѣтію со дня рожденія Гоголя опубликовано почти все, что можетъ пролить свѣтъ на этотъ темный уголъ ной поэзіи, тогда становится несомнѣннымъ, что въ лицѣ русскаго прекраснаго поэта Гоголя-Отрока исходилъ на Землѣ а его сверстникъ съ подлинной точки зрѣнія. Лучшимъ доказательствомъ этого является Собраніе писемъ Н. В. Гоголя въ изд. Шуляпа, а также Дневникъ посланія Гоголю подходящіе Гоголевскимъ (Г. Стрелянь 1903 г. Мартъ). Ясно это прекрасно изображаетъ духовный міръ писателя съ одной стороны въ ясно неодолимое врожденное раскаяніе предъ нимъ мертвыхъ невѣроятнаго развитія души его, хорошо поставленной, разнообразной и до боли кустарной работы надъ самоусовершенствованіемъ, съ другой—въ лицѣ этой полагается и цѣль этого самоусовершенствованія, именно: получить духовное обновленіе и помочь нравственному усовершенствованію какъ близкихъ къ Гоголю лицъ, такъ и всего русскаго народа. Желаніе при жизни, а правда своихъ убѣжденій которыя видимы въ которой имъ не „солнцемъ озарятся по пятамъ потомства, оставившихъ родину и народъ свой“, о страшномъ преображеніи Христовой правды, отклоненныхъ церквью, сознававшихъ всю трудность и отвѣтственность взятыхъ на себя заданій—вынести себя въ душѣ Божьихъ людей и спрашивать ихъ покаянія, и затѣмъ и въ пользу не восхитительно русскій народъ.

I.

Письма Гоголя ясно показываютъ ошибочность самыхъ, распространенной Бѣлинскаго, съ Сенковскимъ, подхваченной даже такъ извѣстными учебниками по исторіи русской литературы, — мнѣкой, подобной же мнѣніе Гоголя, приписывавшей къ позднѣйшему тію этихъ его писемъ, о преобразованіи его въ мистика-созерцателя, служившаго проповѣдникомъ отрицательныхъ общеетвъ злостной реакціи, косвенно поддерживающаго крѣпостное право, реакціонную христіанскую традицію и т. п., что будто бы можно было приписывать в послѣднее указать въ лицѣ Гоголя писателя.

Даже бѣглое чтеніе писемъ Гоголя показываетъ, что въ личности его никогда не было никакого „перелома", соединеннаго съ оставленіемъ имъ одного направленія и принятіемъ другого; напротивъ это была цѣльная внутренняя жизнь, неотъемлемою чертою которой было *постоянство*. Въ письмѣ Гоголя къ С. Т. Аксакову мы читаемъ: „Внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ двѣнадцати-лѣтняго, быть можетъ, возраста я иду тою-же дорогой, какъ и нынѣ, не шатаясь, не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходя изъ одного положенія въ другое". Въ другомъ письмѣ, тоже къ Аксакову, Гоголь высказываетъ слѣдующее по поводу обвиненій его въ томъ, что онъ склонялся къ мистицизму: „Вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду". (1847 г. 20 янв.). Самъ Аксаковъ, человѣкъ очень близкій къ Гоголю, былъ вполнѣ согласенъ съ этимъ утвержденіемъ своего друга. Вотъ что мы слышимъ изъ устъ его: „Изъ одной замѣтки Гоголя: „много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни", можно подумать, что въ самой жизни его было что-то чудесное, что дало толчекъ къ новому строю жизни. Но это нисколько не значило, что онъ измѣнился въ своемъ нравственномъ существѣ. Это не значило, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде. Внутренняя основа все лежала въ немъ та же, что и въ самыхъ молодыхъ годахъ, но она скрывалась (тогда), такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка". Гоголь былъ „скрытенъ, потому что былъ не глупъ, вотъ и все". „Изъ литературныхъ друзей его никто его не зналъ. По его литературнымъ разговорамъ всякій былъ увѣренъ, что его занимаетъ только литература и что все прочее ровно не существуетъ для него на свѣтѣ"... Но это было глубокая неправда. „У Гоголя былъ другой, болѣе важный интересъ, который всю жизнь занималъ его; у Гоголя былъ другой путь, которымъ онъ неуклонно шелъ отъ ранней юности до послѣднихъ дней жизни".

По словамъ самого Гоголя, его важнѣйшій интересъ въ жизни были „душа", „дѣло душевное", а неуклонный путь—

„внутреннее воспитаніе", или религіозно-нравственное усовершенствованіе своей души для блага ближнихъ. „Создалъ меня Богъ, говоритъ Гоголь, и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе. Дѣло мое душа и прочное дѣло жизни. Дѣло мое то, о которомъ долженъ подумать всякій человѣкъ—не одинъ я".

Начало этого пути мы видимъ въ родительскомъ домѣ Гоголя; несомнѣнно, что еще тамъ запали во впечатлительную душу его сѣмена религіозной настроенности, а также интересъ къ воспитанію души. Отецъ и мать Гоголя были искренно и просто вѣрующими людьми. Самый бракъ ихъ состоялся при чудесномъ участіи Божіей Матери. „Выдали меня за моего добраго мужа, пишетъ мать Гоголя Кулишу, когда мнѣ было 14 лѣтъ. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Тогда онъ (14-ти лѣтнимъ мальчикомъ) увидалъ меня, не имѣющую году, и узналъ... и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты дѣтства (Шенр. 1, 44)". Этотъ краткій и простодушный разсказъ служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ религіознаго настроенія матери нашего поэта, на рукахъ и около которой прошло дѣтство его. Воскресные и праздничные дни свято проводились въ домѣ родителей Гоголя, такъ что считалось грѣхомъ въ эти дни взять какой нибудь горничной иголку въ руки. Благочестивые родители Гоголя въ праздники обыкновенно отправлялись въ церковь, а послѣ богослуженія приглашали къ себѣ въ гости бывшихъ въ церкви своихъ знакомыхъ и угощали ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ. Извѣстно, что мать Гоголя, послѣ двухъ первыхъ неудачныхъ родовъ, дала обѣтъ: если у нея родится сынъ—назвать его Николаемъ въ честь святителя Николая, чудотворный образъ котораго былъ въ приходской церкви въ Диканькѣ, а передъ самымъ рожденіемъ обѣщала даже построить храмъ у себя въ Васильевкѣ, что съ необыкновеннымъ усердіемъ и выполнила въ два года (Шенр. 1, 52).

Вполнѣ естественно, что, при такомъ благочестіи, родители Гоголя, и особенно мать, съ первыхъ проявленій сознанія сына, старались утверждать въ его душѣ религіозное чувство.

Въ одномъ письмѣ къ матери (1833 г. 2 окт.) Гоголь такъ вспоминаетъ о своемъ воспитаніи въ дѣтствѣ: „Вы употребляли все усиліе воспитать меня, какъ можно лучше... Одинъ разъ,—я живо, какъ теперь, помню этотъ случай,—я просилъ васъ разсказать о страшномъ судѣ,—и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, какія ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя мученія грѣшниковъ, что это потрясло во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впослѣдствіи самыя высокія мысли".

Религіозность, унаслѣдованная Гоголемъ отъ родителей, была постояннымъ спутникомъ его жизни, цементомъ, крѣпко связывавшимъ все ея содержаніе: съ каждымъ годомъ она дѣлалась все больше и больше и въ концѣ концовъ овладѣла всѣмъ его существомъ.

Какъ въ ранней юности у Гоголя появилось религіозное настроеніе, такъ точно въ юности его мы видимъ у него начатки любви къ ближнимъ и къ родинѣ. Еще въ самомъ началѣ своей школьной жизни Гоголь писалъ матери изъ Нѣжина о своемъ стремленіи „сдѣлаться лучшимъ на благо ближнихъ". Потомъ въ бесѣдахъ съ нею дома, не задолго до переѣзда въ Петербургъ, онъ говорилъ ей, что не будетъ жить для себя, а для страждущихъ ближнихъ, и если удостоитъ его Богъ быть полезнымъ отечеству, то почтетъ себя счастливымъ человѣкомъ. Позднѣе Гоголь пишетъ С. Т. Аксакову: „Я пережилъ годы юношества и многихъ желаній, миновалъ увлеченія славолюбивыя, удалился давно отъ свѣта для того, чтобы воспитаться въ глубинѣ души своей *для другихъ*".

Любовь къ ближнимъ и родинѣ такъ же, какъ и любовь къ Богу, Гоголь хранилъ и лелѣялъ въ душѣ своей во всѣ стадіи своей жизни до самой смерти.

Съ этими двумя чертами несомнѣнно въ тѣсной связи стоитъ и творческая дѣятельность Гоголя, къ изображенію которой, въ главныхъ чертахъ, мы и перейдемъ теперь.

II.

Гоголь говоритъ о себѣ, что онъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ и золотушнымъ ребенкомъ. Въ письмахъ къ отцу изъ

Полтавы и Нѣжина онъ жалуется на болѣзнь груди, нервное разстройство и невозможность легко дышать. Кромѣ того, онъ страдалъ течью изъ уха. По переселеніи въ Петербургъ, онъ захворалъ геммороемъ, а въ слѣдующемъ году жалуется на болѣзнь печени и спины, на головную боль, на боль въ груди и тяжесть въ желудкѣ. Достигши двадцати лѣтъ съ небольшимъ (въ 1832 г.), возраста, когда у юношей бываетъ въ полномъ расцвѣтѣ здоровье и силы, Гоголь пишетъ: „Скудельный составъ мой часто одолѣвается недугомъ, крайне дряхлѣетъ".—Вообще, начиная съ молодыхъ лѣтъ до смерти, Гоголь перенесъ много болѣзней и страданій, вслѣдствіе чего всю жизнь отличался грустнымъ настроеніемъ. Пушкинъ называетъ Гоголя „великимъ меланхоликомъ". Да и самъ Гоголь соглашался съ такимъ опредѣленіемъ его характера. „На меня, пишетъ онъ, иногда находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которые происходили, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія".—Что же Гоголь дѣлалъ въ такихъ случаяхъ? Какъ онъ прогонялъ отъ себя тоску? „Чтобы развлечь себя, пишетъ Гоголь, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому выйдетъ отъ этого какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости?"

Пушкинъ, по признанію самого Гоголя, заставилъ его отнестись къ писательству серьезнѣе. „Одинъ разъ, пишетъ Гоголь, послѣ того какъ я прочелъ Пушкину одно небольшое изображеніе небольшой сцены, которое, однакожъ, поразило его больше всего прежде мной читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ, съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто,

грѣхъ". И Пушкинъ указалъ Гоголю сюжеты для сочиненій, которыя могли-бы увѣковѣчить память о немъ. Это были сюжеты Ревизора и Мертвыхъ душъ. На этотъ разъ Гоголь задумался серьезно. „Я увидѣлъ, пишетъ онъ, что прежде въ сочиненіяхъ моихъ я смѣялся даромъ, самъ не зная зачѣмъ. Я чувствовалъ,... что потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми годами. Если смѣяться, такъ ужъ—лучше смѣяться надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія". И Гоголь въ „Ревизорѣ" собираетъ въ кучу, поставляетъ на показъ все дурное въ Россіи, что только онъ зналъ.. „Послѣ этого Гоголь почувствовалъ болѣе, чѣмъ прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было-бы не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться". При попыткахъ писать въ прежнемъ родѣ. Гоголь не возгорался любовію къ своему труду, безъ которой не подвигается впередъ работа и которая животворитъ все, а напротивъ испытывалъ отвращеніе къ нему, безцѣльность его. „Мнѣ, пишетъ Гоголь, на каждомъ шагу являлись вопросы: зачѣмъ? къ чему? что долженъ сказать такой-то характеръ? Спрашивается, что нужно было дѣлать мнѣ, когда приходили такіе вопросы?—прогонять ихъ?—Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли предо мною".

Задумываясь надъ этими вопросами, Гоголь незамѣтно перешелъ къ рѣшенію вопроса о своемъ назначеніи, какъ и назначеніи всякаго человѣка. „Послѣ долгихъ трудовъ и опытовъ и размышленій, говоритъ Гоголь, идя видимо впередъ, я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначеніе человѣка *служить*, и что вся жизнь наша есть служба. Ненужно, продолжаетъ Гоголь, забывать того, что взято (нами) мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить въ немъ Государю небесному". Опредѣляя точнѣе, въ чемъ должна состоять служба человѣка Царю Небесному, Гоголь говоритъ, что каждый человѣкъ долженъ выполнить *возложенное* на него *Богомъ порученіе*. „Мы всѣ здѣсь (на землѣ) мимоѣздомъ, и всѣ недолго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь... не по своенравному случаю и не для какого-либо пустяка. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученіе, возложенное на насъ Пославшимъ. Помните

вѣчно, что всякая втунѣ потраченная минута здѣсь, неумолимо спросится тамъ". Свое порученіе, возложенное на него Пославшимъ, Гоголь видѣлъ въ службѣ Россіи на поприщѣ писателя. „Способность писателя есть способность великая... Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ея въ дѣло какъ слѣдуетъ". Въ письмѣ къ духовнику своему, ржевскому протоіерею о. М. Константиновскому, который совѣтовалъ Гоголю бросить авторство, послѣдній замѣчаетъ: „Если бы я зналъ, что на какомъ либо другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше во спасеніе души и во исполненіе всего того, что должно мнѣ исполнить, чѣмъ на этомъ, то я бы перешелъ на то поприще". Какъ только Гоголь ясно созналъ, что только на поприщѣ писателя онъ можетъ и обязанъ сослужить свою службу государству, онъ „бросилъ всѣ должности, Петербургъ, общество близкихъ людей, чтобы въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какое твореніе создать, что-бы видно было, что онъ былъ также гражданинъ своей земли и хотѣлъ послужить ей". Изъ письма къ Аксакову 28 декабря 1840 года видно, что душу Гоголя посѣтило въ это время какое-то дивное озареніе, которое привело его въ восторгъ. „Теперь я пишу вамъ, читаемъ мы здѣсь, потому что я здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога. Много чудеснаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни... Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я удивляюсь, какъ я могъ когда-либо принимать (это) близко къ сердцу. Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Я слышу и знаю дивныя минуты. *Созданіе чудное творится* и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда и не выдумать ему такого сюжета... Меня, заканчиваетъ Гоголь это письмо, теперь нужно лелѣять, не для меня, нѣтъ. Я подобенъ глиняной вазѣ. Эта ваза вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ ней заключено сокровище. Стало быть ее нужно беречь. Трудъ мой великъ, подвигъ мой спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго".

Немудрено догадаться, что подъ созданіемъ, творившимся въ душѣ Гоголя, слѣдуетъ разумѣть „Мертвыя души", сюжетъ для которыхъ данъ былъ Пушкинымъ, но не разработанъ Гоголемъ, какъ слѣдуетъ. Теперь же содержаніе и планъ ихъ, благодаря вдохновенію, очевидно, живо представились воображенію поэта въ своихъ существенныхъ чертахъ.

Изъ выше приведеннаго письма къ Аксакову видно, что Гоголь высоко смотрѣлъ на предпринимаемую имъ работу—создать „Мертвыя души". Эта работа внушена Самимъ Богомъ: „подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка". Гоголь видитъ въ ней—цѣль своей жизни. „О, если бы еще 3 года (прожить мнѣ) съ такими свѣжими силами. Столько жизни прошу, сколько необходимо мнѣ для окончанія труда моего. Больше мнѣ ничего не нужно". Онъ находится въ искренней увѣренности, что если предположенная имъ работа осуществится, то будетъ осчастливлена вся Россія. Въ „Авторской исповѣди" Гоголь разъясняетъ намъ, какимъ образомъ сочиненіе его могло произвести это. „Мнѣ хотѣлось, говоритъ Гоголь въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя не всѣми цѣнятся.. и тѣ... низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены. Мнѣ хотѣлось, чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ какъ бы невольно весь русскій человѣкъ со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно предъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которыя находятся въ немъ также преимущественно предъ всѣми другими народами. Я думалъ... изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовію русскій человѣкъ... и такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ".

Такимъ образомъ создать такое литературное произведеніе, которое-бы возбудило въ руссихъ людяхъ отвращеніе отъ неприглядной дѣйствительности и заставило сдѣлаться другими лучшими людьми—вотъ въ чемъ видѣлъ Гоголь въ концѣ концовъ свое призваніе или „порученіе", возложенное на его [illegible]омъ.

Но, поставивъ себѣ такую высокую задачу, Гоголь тотчасъ же понялъ, что для выполненія ея нужно было ясно понимать достоинства и недостатки человѣческой души. „Я видѣлъ ясно, пишетъ Гоголь, что покамѣстъ не опредѣлю самому себѣ высокое и низкое природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступать къ дѣлу“. Если писатель „не узнаетъ очень хорошо самъ, что̀ дѣйствительно въ нашей природѣ есть досто́инство и что̀ въ ней дѣйствительно есть недоста́тки, то онъ можетъ возвести въ достоинство то, что есть грѣхъ нашъ, и поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими то, что въ насъ достоинство“. И вотъ, поэтому-то Гоголь „погружается во всестороннее изученіе души человѣка. Онъ хочетъ озарить разумъ свой полнымъ знаніемъ дѣла и съ жадностью ищетъ и проситъ себѣ необходимыхъ свѣдѣній“. „Книги законодателей, пишетъ онъ, душевѣдовъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и по этой дорогѣ нечувствительно, почти самъ невѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“. Если въ этотъ періодъ времени, подъ вліяніемъ просьбъ и упрековъ друзей, Гоголь брался за перо, чтобы написать хотя небольшую повѣсть, то всѣ попытки его и усилія оканчивались болѣзнью, страданіями и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было откладывать всякія занятія. Успокоившись, Гоголь опять становился на прежнюю дорогу—обращался къ изученію жизни души человѣческой. „И я, говоритъ Гоголь, не совращался съ этого пути. Жизнь души я преслѣдовалъ (т. е. изучалъ) въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются людьми, и я пришелъ къ Тому, Кто одинъ вѣдаетъ душу, отъ Кого одного я могъ узнать полнѣе душу“.

Какъ только въ Гоголѣ удовлетворилась жажда знать человѣческую душу, въ немъ родилось сильное желаніе узнать Россію и русскаго человѣка. Безъ знанія этихъ предметовъ Гоголю, очевидно, нельзя было приступить къ своему сочиненію. И вотъ онъ, съ одной стороны, сталъ знакомиться съ людьми разнаго рода, отъ которыхъ онъ могъ узнать что-нибудь нужное въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, зная, что наше народное міросозерцаніе тѣсно связано съ ученіемъ православной церкви, (слова „русскій“ и „православный“ въ народномъ языкѣ употребляются какъ однозначущія), Гоголь взялся за чтеніе и изученіе твореній отцевъ и учителей церкви, преимущественно тѣхъ, на которыхъ издревле воспитывалась душа русскаго человѣка. Особенно охотно читалъ онъ духовныя поученія наставниковъ иноческихъ, каковы, напр., творенія св. Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго (о молитвѣ) и др. Извѣстная въ монашескомъ быту книга Добротолюбіе сдѣлалось любимымъ чтеніемъ Гоголя: въ ней онъ находилъ глубокое пониманіе человѣческой души. Любилъ Гоголь читать и Подражаніе Христу Ѳомы Кемпійскаго [1]). Нѣсколько разъ перечитывалъ онъ и произведенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова а также нашихъ русскихъ церковныхъ писателей: св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Задонскаго, архіепископа Иннокентія.

Но одного знанія человѣка вообще и русскаго въ частности, по убѣжденію Гоголя, еще недостаточно было ему для того, чтобы приступить къ созданію своего великаго произведенія, имѣвшаго цѣлію произвести благодѣтельный переворотъ въ русскомъ обществѣ и такимъ образомъ дать возможность автору выполнить назначеніе. Анализъ Гоголя надъ своею собственною душею привелъ его къ убѣжденію, что „говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію и одному наблюденію надъ другими людьми: для этого нужно имѣть въ самомъ себѣ хоть небольшую кру-

[1]) Въ письмѣ къ Шевыреву Гоголь совѣтуетъ друзьямъ своимъ купить эту книгу каждому себѣ въ видѣ новогодняго подарка и каждый день прочитывать по главѣ или по полуглавѣ въ качествѣ средства для успокоенія душевныхъ тревогъ, предаваясь затѣмъ размышленіямъ о прочитанномъ.

ницу этихъ чувствъ и движеній. Безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству не въ силахъ я... двинуться ни одной моей способностью, ни одной стороной ума моего во благо и пользу моимъ братьямъ, и безъ этого воспитанія душевнаго всякій трудъ мой будетъ только временно блестящъ". (Р. Ст. 478). Если писатель желаетъ исправить людей, т. е., указать имъ надлежащій путь жизни и заставить идти поэтому пути, то онъ долженъ самъ озаботиться дѣломъ своего личнаго нравственнаго усовершенствованія. „Когда свѣтильникъ духа его не будетъ горѣть чистымъ и яснымъ пламенемъ, тогда ему даже опасно выходить на свое поприще: его вліяніе можетъ быть скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Примѣръ тому, говоритъ Гоголь, на нашихъ глазахъ. Извѣстная французская писательница Ж. Зандъ, больше всѣхъ надѣленная талантомъ, въ немного лѣтъ произвела измѣненіе нравовъ (въ худую сторону) болѣе сильное, чѣмъ всѣ въ совокупности писатели, заботившіеся о развращеніи людей. Она, можетъ быть, и въ помышленіи не имѣла проповѣдывать развратъ и, вступивши въ другую эпоху своего душевнаго состоянія, отказалась-бы отъ своихъ временныхъ заблужденій, но этимъ зла не поправила-бъ". „Изъ людей умныхъ, говоритъ потомъ Гоголь, должны выступать на поприще только тѣ, которые окончили свое воспитаніе и создались". „Пока не станешь самъ хоть сколько нибудь походить на добродѣтельнаго человѣка, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что напишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды". Поэтому Гоголь считалъ необходимымъ для себя, какъ писателя, заняться дѣломъ своего нравственнаго самоусовершенствованія. „Мнѣ нужно быть слишкомъ чисту душой, пишетъ онъ Аксакову: долгое воспитаніе предстоитъ мнѣ, трудная лѣстница". „Много труда и пути и воспитанія душевнаго впереди еще мнѣ". „Разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіе долгаго времени, покуда не созрѣю самъ внутренно и душевно", пишетъ Гоголь и о. Матвѣю. „Чище горняго снѣга и свѣтлѣе небесъ должна сдѣлаться душа моя", замѣчаетъ онъ и въ письмѣ къ Жуковскому.

III.

Что же считалъ Гоголь необходимымъ для своего духовно-нравственнаго воспитанія и какія средства, „подвиги и дѣйствія“, онъ предпринималъ для этого?

Первымъ условіемъ, необходимымъ для духовнаго воспитанія Гоголь признаетъ наличность твердаго характера. „Для чего человѣку характеръ? спрашиваетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ и тутъ же отвѣчаетъ: чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовалъ тому, что велитъ благоразуміе и, какъ сказалъ Спаситель, не глядѣлъ на людей. Люди суетны. Нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный святой образецъ, высшую натуру человѣка, а необыкновенныхъ людей“.

Другимъ условіемъ, необходимымъ для успѣшнаго воспитанія души, Гоголь считаетъ отреченіе отъ внѣшней жизни ради внутренней, отреченіе, проявляющееся въ самоуглубленіи. Путемъ самоуглубленія человѣкъ можетъ узнать о своемъ назначеніи на землѣ. „Не для своихъ удовольствій дана человѣку жизнь, и страшно взыщется съ него, если онъ не углубится внутрь себя и не узнаетъ, какія въ немъ сокрыты стороны, полезныя и нужныя міру, и гдѣ его мѣсто, ибо нѣтъ ненужнаго звена въ мірѣ“. Самоуглубленіе, по словамъ Гоголя, является однимъ изъ лучшихъ средствъ и къ познанію людей. „Есть дѣйствительный способъ узнавать людей, читаемъ мы въ письмѣ къ Погодину. Нужно прожить долгою, погруженною въ себя жизнью, тамъ обрѣтешь всему разрѣшеніе. Свѣта никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свѣтъ нужно смотрѣться только въ началѣ, чтобы пріобрѣсть заглавіе той науки, которую слѣдуетъ узнавать внутри своей души. Это подтвердятъ тебѣ святые молчальники, которые говорятъ согласно, что, поживши такой жизнью, читаешь на лицѣ всякаго сокровенныя его мысли, хотя бы онъ и скрывалъ ихъ всячески. Нѣсколько (это) я испыталъ даже на себѣ... Вкусивши одну крупицу такой христіанской жизни, я уже вижу яснѣй: и глазъ и умъ мой прояснился болѣе“. Самоуглубленіе способствуетъ также пониманію человѣкомъ своихъ недостатковъ. Гоголь говоритъ, что, углубляясь въ свою душу, онъ видѣлъ

въ себѣ недостатковъ больше, чѣмъ до самоуглубленія, и находилъ ихъ скорѣе, чѣмъ прежде. Чтобы самоуглубленіе сопровождалось наиболѣе благотворными послѣдствіями для человѣка, Гоголь совѣтовалъ искать (при немъ) уединенія. Онъ самъ иногда удалялся отъ друзей, общества, родныхъ и продолжительное время жилъ въ одиночествѣ. Въ душѣ его даже появлялось желаніе поселиться въ какой нибудь пустынѣ или сдѣлаться столпникомъ, подобно древнимъ подвижникамъ. „Нѣтъ выше удѣла монашескаго“, писалъ Гоголь Языкову. Буквально то же самое онъ говоритъ и Толстому, помышлявшему о вступленіи въ монашество: „Нѣтъ выше званія, какъ монашеское. И да сподобитъ насъ Богъ когда нибудь надѣть простую рясу чернеца, такъ желанную душѣ моей, о которой уже и помышленье мнѣ въ радость. Но безъ зова Божія нельзя этого сдѣлать“.

Углубляясь въ себя, въ свою душу, Гоголь постоянно искалъ тамъ недостатковъ, чтобы потомъ изгнать ихъ оттуда. Онъ просилъ также всѣхъ близкихъ и любимыхъ людей указывать ему его недостатки, соединяя это съ порицаніемъ и упреками его за эти недостатки. Въ письмѣ къ матери и сестрамъ. Гоголь говоритъ, что онъ любитъ получать упреки въ недостаткахъ и находитъ отъ нихъ неоцѣнимую пользу для души своей даже въ томъ случаѣ. если эти упреки несправедливы. „Если у васъ родятся какіе нибудь упреки мнѣ, смѣло ихъ говорите: упрековъ любящаго человѣка всегда жаждало, какъ святыни, сердце мое“. Пользу для души упрековъ Гоголь объясняетъ слѣдующимъ образомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.: „О, какъ нужны намъ эти безпрестанные щелчки (хотя съ перваго разу они и приходятся не по сердцу), и этотъ оскорбительный тонъ, и эти горькія, проникающія душу насмѣшки (подъ нашими недостатками). На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, скверного честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всевозможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно руку, насъ поражающую“.

Надобно замѣтить, что въ упрекахъ—этомъ условіи для улучшенія нравственнаго состоянія—недостатка у Гоголя не

было. Бывали такія времена, когда цѣлые потоки самыхъ горькихъ, оскорбительныхъ упрековъ и порицаній, нерѣдко неосновательныхъ и оскорбительныхъ, выливались на голову Гоголя. Въ этомъ принимали участіе не только враги его, но и друзья. И въ чемъ только не упрекали Гоголя?—въ лести, лицемѣріи, въ преслѣдованіи земныхъ цѣлей небесными средствами. „Въ душѣ моей, пишетъ Гоголь, не было ни одной чувствительной струны, которая не была-бы затронута и которой не было-бы нанесено пораженіе. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась такая страшная анатомія, отъ которой бросало въ потъ даже и того, кто одаренъ былъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ". И все это приходилось выслушивать такому болѣзненно-впечатлительному человѣку, каковъ былъ Гоголь. Но онъ безропотно выслушивалъ и переносилъ упреки, даже самые язвительные. „Это, писалъ онъ Аксакову, воля Божія. Да будетъ благословенно имя Того, Кто допустилъ поразить меня. Безъ этого пораженія я не очнулся-бы и не увидалъ-бы ясно того, чего мнѣ недостаетъ. Даже и клевета не смущаетъ меня, хотя бы мое имя дошло оклеветаннымъ до потомства и осталось въ такомъ видѣ до конца міра, потому что я увѣренъ, что судить меня будетъ Тотъ, Кто... вѣдаетъ наши мысли въ ихъ полнотѣ".

Здѣсь открывается новое условіе, при которомъ человѣкъ можетъ нравственно совершенствоваться,—это преданность и покорность волѣ Божіей. Убѣжденіе въ необходимости и пользѣ безпредѣльной покорности волѣ Божіей, особенно въ скорбныя минуты жизни, Гоголь часто высказываетъ въ своихъ письмахъ. „Принимайте покорно все, что ниспосылается вамъ Тѣмъ, Кто насъ создалъ и знаетъ лучше насъ, что намъ нужно" пишетъ Гоголь Аксакову. „Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро... Все, что ни дѣлалось со мною, было спасительно для меня: всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе".

Преданность и покорность человѣка волѣ Божіей, уясненіе себѣ своихъ недостатковъ, путемъ-ли самоуглубленія или указанія кѣмъ либо со стороны, и отреченіе отъ внѣшней жизни—все это является, такъ сказать, условіями, благопріятствую-

щими человѣку для нравственнаго усовершенствованія. Личное же усовершенствованіе предполагаетъ еще и активную дѣятельность человѣка. Такую дѣятельность Гоголь видѣлъ главнымъ образомъ въ молитвѣ и заботахъ о благѣ ближнихъ.

Молитвѣ Гоголь придавалъ громадное значеніе въ своей жизни. Онъ неукоснительно обращался къ Богу съ молитвою при всякомъ начинаніи и просилъ Его помощи при всякомъ затрудненіи въ дѣлѣ. Начиналъ и оканчивалъ онъ каждый день молитвою. „Въ тяжелые моменты жизни, пишетъ Гоголь, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву“. Такъ онъ всегда самъ и поступалъ. Получивъ, напр., въ гимназіи извѣщеніе о смерти отца, Гоголь отпрашивается у начальства въ городъ и отправляется въ церковь. Здѣсь, ставши въ углу, чтобы не быть никѣмъ замѣченнымъ, онъ изливаетъ свое чувство въ молитвѣ въ продолженіе цѣлаго часа. Испытывая, по пріѣздѣ въ Петербургъ, разнаго рода невзгоды, Гоголь тоже обращается къ молитвѣ, какъ къ вѣрному средству утѣшенія. Намѣреваясь издать повѣсть „Ганцъ Кюхельгартенъ“, Гоголь цѣлое утро молится. Слуга его, вставши по утру рано, заглянулъ въ комнату барина и увидѣлъ его молящимся передъ образомъ съ неугасимой лампадой. „Доброе дѣло, подумалъ слуга: какъ ни какъ, а маменька-то благочестію съ малыхъ лѣтъ научила“, и осторожно притеръ дверь. Когда онъ чрезъ нѣсколько времени открылъ ее во второй,—а затѣмъ и въ третій разъ, въ полной увѣренности, что теперь не помѣшаетъ молитвѣ барина, то, къ большому изумленію своему, увидѣлъ его все также на колѣнахъ кладущимъ земные поклоны. Живя въ Парижѣ, Гоголь, какъ и на родинѣ, каждую службу въ воскресные и праздничные дни ходилъ въ русскую церковь. Извѣстно, что Гоголь любилъ посѣщать для молитвы монастырскія обители. Бывалъ онъ и въ Кіевскихъ монастыряхъ, святыни которыхъ произвели на него сильное впечатлѣніе. Былъ Гоголь и въ Оптиной пустыни, гдѣ иноки назвали его „праведнымъ человѣкомъ“, а онъ объ инокахъ оптинскихъ отозвался такъ: „нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ небо“. Ѣздилъ Го-

71-108

голь и ко Гробу Господню въ Іерусалимъ, чтобы „поблагодарить Бога за все, что ни случилось въ его жизни, и испросить благословенія и напутственнаго освѣженія на дѣло, на которое онъ воспитывалъ себя и приготовлялъ“. Молясь за себя самъ, Гоголь просилъ и другихъ людей молиться за него. Переписка его съ нѣкоторыми благочестивыми лицами вся почти состоитъ изъ просьбъ молитвъ за него и благодарности за эти молитвы. Въ письмахъ къ матери Гоголь проситъ ее „усиленно“ молиться о немъ, а иногда и „отслужить за него молебны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться“.

Въ собственной усердной молитвѣ Гоголь видѣлъ надежный путь къ для непосредственнаго общенія съ Богомъ и для полученія отъ Бога даже и откровеній. По опредѣленію нашего поэта, молитва—это стремленіе всѣхъ силъ души къ Вѣчному, дерзновенная бесѣда съ Нимъ, при чемъ на вопросы, какіе человѣкъ дерзновенно предлагаетъ Богу, въ ту же минуту слѣдуютъ отвѣты, и эти отвѣты будутъ прямо отъ Бога. Какимъ образомъ чрезъ молитву можно человѣку и въ особенности поэту получить Божественное внушеніе и достигнуть познанія воли Божіей, даже относительно литературной работы, это Гоголь объясняетъ въ письмѣ къ Языкову (1843 г. 4 марта). „Отъ тебя не такъ далеко время писанья. Остается испросить вдохновенья. Какъ это сдѣлать? Нужно изъ нашей души послать къ Нему стремленіе... Чего не поищешь, того не найдешь, говоритъ пословица. Стремленіе (къ Богу) есть молитва. Молитва не есть (только) словесное дѣло. Она должна быть отъ всѣхъ силъ души и всѣми силами души; безъ того она не возьметъ. Если она дошла до степени восторга, то она уже проситъ о томъ, чего Богъ хочетъ, а не о томъ, чего мы хотимъ... Какъ узнать хотѣнье Бога? Для этого нужно... изслѣдовать себя: какія способности, данныя намъ отъ Бога, выше и благороднѣе другихъ, *тѣми* способностями мы должны работать преимущественно, и въ сей работѣ заключается хотѣнье Бога; иначе онѣ не были бы намъ даны. Итакъ, прося о пробужденіи ихъ, мы будемъ просить о томъ, что согласно съ Его волею. Стало быть, молитва наша прямо будетъ услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была ото всѣхъ силъ

души нашей. Если такое напряженіе хотя по двѣ минуты въ день соблюсти въ продолженіе одной—двухъ недѣль, то увидишь слѣдствіе непремѣнно... Вотъ какія непремѣнно произойдутъ чудеса. Въ первый день нѣтъ еще ни одной мысли въ головѣ: ты просишь только вдохновенія. На другой или третій день ты будешь говорить просто: дай произвести мнѣ *въ такомъ-то духѣ*. Потомъ на четвертый или пятый: *съ такою-то силою*. Потомъ окажутся въ твоей душѣ вопросы: какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія, и къ чему могутъ послужить. И за вопросомъ въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые прямо будутъ отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ, и къ концу какой нибудь другой недѣли ты увидишь, что уже все составилось, что нужно: предметъ и значеніе его, сила и глубокій внутренній смыслъ, словомъ, все; стоитъ только взять въ руки перо и писать. Но повторяю вновь: молитва должна быть отъ всѣхъ силъ души".

Изъ этого подробнаго наставленія о томъ, какъ поэтъ, при помощи усердной молитвы, можетъ достигать Божественнаго озаренія, мы имѣемъ основаніе предполагать, что оно добыто Гоголемъ изъ собственнаго опыта. Этимъ путемъ, вѣроятно, и совершилось то чудное (созданіе) въ мысляхъ и жизни Гоголя, о которомъ мы выше упоминали.

„Въ молитвѣ, пишетъ Гоголь,—открывается человѣку Богъ любви, и этотъ Богъ любви, раскрываясь въ сердцѣ его, зажигаетъ въ немъ любовь къ людямъ". „Молитва есть актъ любовнаго единенія съ тѣмъ, за кого мы молимся". „Въ минуты молитвеннаго подъема образы людей становятся какъ будто милѣе намъ, чѣмъ когда либо прежде; тогда человѣкъ бываетъ способенъ любить ближнихъ больше, чѣмъ въ другое время". Такимъ образомъ молитва, по Гоголю, естественно, должна связываться съ любвію къ ближнимъ. „Молитва святое дѣло, пишетъ Гоголь матери: но помните, что она ничтожна, если не сопровождается святыми дѣлами. Молитву дѣлъ, а не молитву словъ требуетъ отъ насъ Іисусъ". На недоумѣніе: какъ же я буду помогать другимъ, когда я сама

71-108

бѣдна? Гоголь отвѣчаетъ: „Не думайте, что вы бѣдны для того, чтобы помогать другимъ. Для этого не можетъ быть бѣденъ человѣкъ. Не богатствомъ, не деньгами только мы можемъ помогать другимъ, но гораздо болѣе мы можемъ помогать сердечнымъ участіемъ, душевнымъ словомъ: воздвигни, ободряя, падшій духъ“. Сообразно такому взгляду на молитву, вся жизнь человѣка, должна являться какъ бы продолженіемъ молитвы, выражаться въ дѣятельной любви къ ближнимъ, въ разнообразномъ попеченіи о нихъ.

И самъ Гоголь горячо любилъ своихъ ближнихъ всѣхъ безъ различія: онъ любилъ прежде всего всю родную Россію въ ея цѣломъ видѣ, любилъ родныхъ по крови, любилъ друзей—родныхъ по душѣ, любилъ и русскій народъ.

О любви Гоголя къ Россіи свидѣтельствуетъ его „Выбранные мѣста изъ переписки съ друзьями“, въ которой одно изъ писемъ даже озаглавлено: „Нужно любить Россію“. Свой лучшій трудъ „Мертвыя души“ Гоголь предпринялъ на благо Россіи. Молитва о дарованіи счастья Россіи была усерднѣйшею молитвою Гоголя и у Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Характеризуетъ Гоголя въ этомъ отношеніи и небольшая записка его, приложенная къ письму матери, которое онъ послалъ ей предъ поѣздкой въ Іерусалимъ. Записка эта, по просьбѣ Гоголя, была передана священнику, чтобы онъ читалъ ее въ концѣ молебна. Въ ней, между прочимъ, содержалось слѣдующее прошеніе: „И сподоби, Боже, возстать ему (Гоголю) отъ Св. Гроба съ обновленными силами,—съ бодростію и рвеніемъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, *на добро землѣ своей* и на устремленіе сердецъ къ прославленію имени Твоего“. Побуждали Гоголя любить Россію не только свѣтлыя стороны ея, но и мрачныя. „Язвы, недуги и страданія, которыя во множествѣ накопились въ ней, пишетъ Гоголь Толстому, возбуждаютъ въ русскомъ человѣкѣ состраданіе къ ней. А состраданіе есть уже начало любви“. Побужденіемъ къ любви Россіи служило для Гоголя также и жажда собственнаго спасенія. „Безъ любви къ Богу, пишетъ Гоголь тому же Толстому, никому не спастись... а любовь къ Богу мы получаемъ въ любви къ братьямъ, какъ возвѣстилъ намъ Христосъ.

Стоитъ только полюбить ихъ..., и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу самому... Но какъ полюбить братьевъ?—Идите въ міръ и пріобрѣтите тамъ любовь къ братьямъ". Міръ нашъ Россія... „Не полюбивши Россіи, не полюбить вамъ своихъ братьевъ; а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣться вамъ любовью къ Богу; а не возгорѣвши любовью къ Богу, не спастись вамъ". Вотъ какія основанія были у Гоголя для любви къ родинѣ.

Чрезвычайно теплую сердечную любовь питалъ Гоголь къ своимъ роднымъ и друзьямъ. „Я не могу разсказать вамъ, пишетъ Гоголь матери, той грусти, которую я чувствовалъ, глядя на васъ..., когда я видѣлъ на лицѣ вашемъ слѣды, проведенные побѣдившими васъ заботами". Разставаясь съ матерью, онъ проситъ Т., родственника своего, быть для нея ангеломъ хранителемъ и обѣщаетъ со своей стороны дѣлать для нея *все*. Онъ пишетъ матери письма каждый мѣсяцъ и со всякаго мѣста, гдѣ находится. Часто Гоголь оказываетъ и денежную помощь матери. Онъ посылаетъ ей деньги на путешествіе изъ Малороссіи въ Москву; дѣлаетъ распоряженіе, чтобы его матери выдали 2000 рублей изъ тѣхъ денегъ, которыя получатся за распродажу „Переписки съ друзьями", отказывается въ пользу матери отъ принадлежавшей ему, весьма значительной, части имѣнія; неоднократно платитъ десятки и сотни рублей, задолженныхъ матерью заѣзжимъ торговцамъ. Точно такъ же близко къ сердцу принималъ онъ и судьбу своихъ сестеръ. Старшей онъ собралъ приданное, при выходѣ ея замужъ, а двухъ младшихъ „на свой счетъ помѣстилъ въ Патріотическій Институтъ и платилъ за нихъ изъ своего кармана, пока Государыня не взяла ихъ на свой счетъ". Послѣ выпуска ихъ изъ института онъ провелъ съ ними годъ, чтобы воспитать ихъ для того мѣста и круга, среди котораго будетъ обращаться ихъ жизнь, давалъ имъ денегъ на обученіе музыкѣ и мелкіе расходы, а одной изъ нихъ потомъ подыскалъ семью, гдѣ она жила, какъ у родныхъ, до своего выхода замужъ. Обратившн вниманіе на то, что его сестры, по окончаніи курса, не достаточно хорошо усвоили Законъ Божій, онъ приглашаетъ имъ на уроки архимандрита Макарія, извѣстнаго мис-

сіонера и переводчика книгъ Св. Писанія, „мужа извѣстнаго своей святой жизнью, рѣдкими добродѣтелями и пламенною ревностью къ вѣрѣ". „Я просилъ его, пишетъ Гоголь своему другу, и онъ такъ добръ, что, несмотря на неимѣнье времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и поучаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ вѣры".—Вообще, попеченія Гоголя о своихъ родныхъ были таковы, что онъ могъ смѣло писать о себѣ: „Съ тѣми средствами, которыя я оставилъ имъ, можно вести безбѣдную жизнь. (Р. Ст. 472)".

Друзьями своими Гоголь считалъ только лицъ съ такими же высоконравственными христіанскими стремленіями, какія были и у него самого. Въ письмѣ къ матери, по поводу смерти поэта Языкова, Гоголь говоритъ: „Я лишился наилучшаго моего друга, съ которымъ жилъ душа въ душу, къ которому я питалъ истинно родственную любовь, потому что питать такую любовь я могу только къ тѣмъ, которые понимаютъ мою душу и живутъ сколько нибудь во Христѣ дѣлами жизни своей". Въ 1845 г. Гоголь пишетъ Смирновой: „Въ продолженіе моего душевнаго воспитанія я сходился съ другими родственнѣе и ближе потому, что душа слышитъ душу... Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ". (Русск. Ст. 1909 г. 478). Среди близкихъ къ Гоголю лицъ было „много достойныхъ людей, которые думали, что они христіане, но они были христіане только въ мысляхъ, но не въ жизни и не въ дѣлѣ: они не внесли Христа въ самое сердце своей жизни во всѣ свои дѣйствія и поступки". (Русск. Ст. 484). Такихъ близкихъ людей Гоголь не считалъ своими друзьями. Только „людей, воспитывающихъ свою душу христіански", онъ включалъ въ число своихъ друзей. Изъ такихъ лицъ около Гоголя образовалось особое общество, въ видѣ христіанскаго братства, не имѣвшее никакихъ уставовъ и правилъ, но поставившее себѣ цѣлью—воспитывать свои души. Это былъ, по словамъ Гоголя С—ой, какъ бы душевный монастырь, въ которомъ сошлись люди вслѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи. Руководителемъ—игуменомъ этого монастыря былъ Гоголь, а братію составляли Языковъ, Ивановъ, Шереметева, Смирнова, Вельегорскій, Толстой и др.—Общеніе съ этими друзьями—братіей

было свѣтлымъ праздникомъ для души Гоголя. „Упросите себя ускорить пріѣздъ свой, пишетъ Гоголь Смирновой. А о себѣ не говорю. Вы должны сами чувствовать, что это будетъ Свѣтлый праздникъ для души моей". Друзья Гоголя понимали, что онъ любитъ ихъ только за прекрасныя христіанскія качества души, а не за внѣшнее положеніе, и засвидѣтельствовали это.

„Вы, любезный другъ, читаемъ мы въ одномъ письмѣ С—вой къ Гоголю, одни полюбили меня не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же своей дружбой раздули и согрѣли". Свою нравственную связь съ друзьями, какъ и вообще отзывчивость одной души на запросы другой, Гоголь объясняетъ мистически, чѣмъ-то въ родѣ Платонова ученія о предсуществованіи душъ. Такъ, свою дружбу со Смирновой въ письмѣ къ Аксакову (1851 г.) онъ объясняетъ тѣмъ, что съ нею былъ онъ знакомъ до своего рожденія: „мы были знакомы съ нею, пишетъ Гоголь, на томъ свѣтѣ, когда и васъ еще не было (на землѣ), да и насъ самихъ".

Любовное попеченіе о своихъ друзьяхъ при *обыкновенномъ* ходѣ жизни Гоголь проявлялъ въ томъ, что старался просвѣтить ихъ въ истинахъ христіанской вѣры и побудить къ нравственному усовершенствованію. Напр., во время своего пребыванія въ Ниццѣ, Гоголь почти каждый день бывалъ у А. О. Смирновой, обѣдалъ у нея и послѣ обѣда тотчасъ же вытаскивалъ изъ кармана тетрадь съ выписками изъ твореній св. отцовъ и читалъ. Иногда читалъ онъ сочиненія Марка Аврелія и съ умиленіемъ говорилъ: „Богомъ божусь, что ему (Аврелію) недостаетъ быть только христіаниномъ". Если въ средѣ друзей Гоголя случалось что нибудь *особенное*,—не ладилось какое нибудь дѣло, находило какое нибудь недоумѣніе, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, возникало недовѣріе къ своимъ силамъ,—постигала кого-либо болѣзнь, тогда Гоголь немедленно приходилъ на помощь своимъ друзьямъ. Писемъ у Гоголя по такимъ случаямъ очень много. Изъ нихъ особенно интересны тѣ, которыя вызваны нуждами друзей чисто душевными: сомнѣніями въ вѣрѣ, отчаяніемъ въ спасеніи, уныніемъ. Утѣ-

шить такого рода страждущихъ друзей, успокоить, ободрить Гоголь былъ великій мастеръ. Въ письмѣ къ Шевыреву онъ разсказываетъ, что во время болѣзни однажды ему пришлось вести такую дѣятельную переписку, какой у него дотолѣ никогда не было. Какъ нарочно, почти со всѣми близкими его душѣ случились въ это время душевныя потрясенія. Всѣ они какъ-бы инстинктивно, обращались къ Гоголю, требуя помощи и совѣта, и онъ сумѣлъ удовлетворить ихъ. Причину, вслѣдствіе которой друзья обращались въ своихъ нуждахъ къ Гоголю за совѣтомъ, слѣдуетъ видѣть въ его дарѣ понимать душу людей и въ умѣньи говорить или писать примѣнительно къ тому или другому состоянію человѣка. „Драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка, говоритъ Гоголь, мнѣ былъ издавна дарованъ Богомъ, и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ уже руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми". Впослѣдствіи Гоголь развилъ этотъ великій даръ слышать душу человѣка, примѣчать, что производитъ въ ней дисгармонію, и сумѣть затронуть въ ней такія струны, которыя уничтожили-бы въ ней эту дисгармонію и привели ее въ спокойное или даже радостное состояніе. Развитію этой способности содѣйствовали, по словамъ Гоголя, его страданія. „Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны, и почти знаешь, что нужно сказать. Этого мало: самый умъ проясняется; дотолѣ сокрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, что кому изъ нихъ потребно".

Много сердечнаго участія къ друзьямъ своимъ проявлялъ Гоголь во время ихъ болѣзни. Въ концѣ 1838 и началѣ 1839 г. заболѣлъ въ Римѣ молодой другъ Гоголя графъ Віельгорскій, даровитый и симпатичный юноша. Гоголь цѣлые дни и ночи проводилъ у постели больного, а потомъ и умирающаго друга. По смерти Віельгорскаго онъ ѣдетъ на встрѣчу матери его и объявляетъ ей роковую вѣсть. Графиня заболѣваетъ, и Гоголь въ продолженіе шести недѣль ухаживаетъ за ней и утѣшаетъ ее въ постигшемъ горѣ. Въ Римѣ же Гоголь ухаживаетъ не менѣе заботливо за своимъ умиравшимъ другомъ, поэтомъ Языковымъ. Вообще, при всемъ своемъ стремленіи къ уединенной созерцательной жизни, Гоголь нерѣдко чувствовалъ потребность

въ другой родственной душѣ, способной отозваться на запросы его души. Встрѣчая такое сочувствіе себѣ въ друзьяхъ своихъ, Гоголь, по слову Спасителя, готовъ былъ положить за нихъ жизнь свою.

Кромѣ родныхъ и друзей, Гоголь проявлялъ любовь свою и къ другимъ людямъ. Судя по письмамъ, онъ нерѣдко благотворилъ нуждающимся, дѣлая это и явно, по просьбѣ обращавшихся къ нему за помощью, и тайно. Такъ, не мало помощи онъ оказалъ бѣднымъ крестьянамъ Малороссіи, пострадавшимъ отъ падежа и голода. Въ свою родную Васильевку по этому случаю онъ посылаетъ въ первый разъ 50, и во второй—150 рублей. Въ письма къ сестрѣ часто вкладываются Гоголемъ деньги на благотворительность бѣднымъ: „Посылаю тебѣ 100 рублей, пишетъ онъ сестрѣ 1847 г. въ декабрѣ: половина изъ нихъ, т. е., 50 рублей, на раздачу бѣднымъ". Черезъ нѣсколько времени онъ опять пишетъ ей: „Продолжай по прежнему помогать страждущимъ... навѣщать ихъ и въ особенности не пренебрегай разговаривать съ ними. Посылаю тебѣ на лекарство и вспоможеніе бѣднымъ 15 рублей". И, наконецъ, въ томъ же году пишетъ: „Любезная сестра Ольга, посылаю тебѣ денегъ, сколько собралось, 25 рублей серебромъ, на лекарства бѣднымъ и проч.. Письмо къ о. Матвѣю, своему духовному отцу, (1847 г. 24 сент.), Гоголь заканчиваетъ обѣщаніемъ скоро прислать ему денегъ для раздачи бѣднымъ: „Мнѣ бы хотѣлось, пишетъ Гоголь, чтобы онѣ попали въ руки тѣхъ, которые усерднѣе другихъ молятся". Спѣшить съ помощію Гоголь считалъ нужнымъ для себя особенно въ томъ случаѣ, когда съ ближнимъ случалось несчастіе внезапное, которое вдругъ, въ одну минуту, лишало его всего: или пожаръ, сжегшій все до-тла, или падежъ, выморившій весь скотъ, или смерть, похитившая единственную подпору,—словомъ, всякое лишеніе, гдѣ вдругъ является человѣку бѣдность, къ которой онъ еще не успѣлъ привыкнуть.

По словамъ Погодина, Гоголь былъ изъ числа тѣхъ людей, которые любили, чтобы лѣвая рука не вѣдала того, что дѣлаетъ правая. Извѣстно, напр., что въ 1844 году Гоголь отдалъ въ пользу бѣдныхъ, но достойныхъ студентовъ всѣ деньги, собранныя за продажу своихъ сочиненій какъ въ Петербургѣ

такъ и въ Москвѣ, т. е., весь свой литературный заработокъ. При этомъ онъ просилъ проф. Плетнева, чрезъ котораго онъ благотворилъ студентамъ, чтобы никто объ этомъ пожертвованіи не зналъ. И послѣ этого Гоголь часто дѣлалъ чрезъ Плетнева тайныя пожертвованія студентамъ. Однажды Гоголь поручилъ Г. П. Данилевскому передать Плетневу какой-то свертокъ и пакетъ съ деньгами. Данилевскій исполнилъ это порученіе. Взявши свертокъ, Плетневъ сказалъ: „А, знаю". Распечатавъ же пакетъ и увидѣвъ въ немъ пачку денегъ, Плетневъ спросилъ: „А письма нѣтъ"? Данилевскій отвѣчалъ, что Гоголь, передавая ему пакетъ, сказалъ только: „Должókъ Плетневу". Плетневъ заперъ деньги въ столъ и съ обычнымъ ему добродушіемъ сказалъ: „Какъ видите, Гоголь и здѣсь себѣ вѣренъ. Это его обычное, съ оказіями, пособіе чрезъ меня нашимъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Фитцумъ (инспекторъ студентовъ) раздаетъ и не знаетъ, откуда это пособіе".—Живя за границей, Гоголь нерѣдко выручалъ изъ нужды художниковъ, дѣлая имъ дорогіе заказы, которые потомъ сбывалъ своимъ богатымъ друзьямъ.

Такая благотворительность Гоголя должна казаться намъ чрезвычайно удивительною, такъ какъ изъ писемъ его мы видимъ, что самъ онъ жилъ въ крайней бѣдности. Бывали у него такія времена, когда онъ оставался безъ копѣйки денегъ и не зналъ, какъ онъ просуществуетъ завтра. „Мои обстоятельства таковы, пишетъ разъ онъ матери и сестрамъ, что если я умру, то не на что будетъ, можетъ, похоронить меня". Да такъ оно и случилось. Гоголь умеръ бездомнымъ странникомъ, пользуясь гостепріимствомъ друга своего, графа А. П. Толстого, оставивъ послѣ себя лишь одинъ небольшой чемоданчикъ.

Съ какою охотою Гоголь шелъ на встрѣчу нуждающимся въ матеріальной, денежной помощи, съ такою же и даже большею готовностью онъ спѣшилъ помочь ближнимъ своимъ совѣтомъ, наставленіемъ и въ обыкновенныхъ дѣлахъ житейскихъ, и особенно въ дѣлѣ спасенія души. Онъ считалъ наивысшимъ долгомъ христіанской любви просвѣтить и направить на путь истины заблудшагося, успокоить сомнѣнія и поддержать колеблющагося, ободрить унывающаго, умиро-

творить волнующагося, смягчить и облегчать душевныя боли скорбящаго. И всякій, даже вовсе незнакомый Гоголю человѣкъ, обращаясь къ нему за совѣтомъ, получалъ такой отвѣтъ, какой ему былъ потребенъ. Въ умѣньѣ примѣниться къ тому или другому состоянію человѣка, написать или сказать именно такъ, какъ требуетъ это состояніе Гоголь не имѣлъ себѣ равнаго. Особенно интересны въ этомъ отношеніи два письма къ одному и тому же лицу—Аксакову; первое—когда онъ впалъ въ хандру и унывалъ, что праздно прожилъ жизнь свою, и второе—когда онъ негодовалъ на то, что потерялъ глазъ. Первое отъ начала до конца проникнуто шутливымъ, юмористическимъ характеромъ и, очевидно, имѣетъ цѣлію прогнать изъ души Аксакова уныніе и ободрить его, а второе содержитъ въ себѣ жестокія обличенія и суровые упреки за недовѣріе къ благости Божіей.

Изъ другихъ средствъ своего нравственнаго усовершенствованія, которыя Гоголь, по письмамъ къ друзьямъ, примѣнялъ къ себѣ, можно указать на самоуничиженіе, смиреніе, постоянное памятованіе о смертномъ часѣ, чтеніе книгъ Свящ. Писанія (особенно апостольскихъ посланій и псалмовъ Давидовыхъ) и говѣніе. О необходимости для просвѣщенія души говѣнія Гоголь пишетъ Погодину: „Я тебѣ говорю сдѣлать вотъ что. У тебя будетъ одно такое время, въ которое ты будешь имѣть возможность прожить созерцательною и погруженною въ самого себя жизнію. Именно, во время говѣнія. Продли это время, если можно, подолѣе обыкновеннаго. Въ такое время самъ Богъ поможетъ человѣку много и просвѣщаетъ его мысленные взоры“.

Въ примѣненіи къ себѣ всѣхъ выше упомянутыхъ нами средствъ и состояло первое „душевное дѣло“ Гоголя, его постоянная и упорная работа надъ самовоспитаніемъ. Въ письмахъ Гоголя повсюду разсѣяны доказательства того, что эта работа не оставалась безслѣдною для его души. Такъ, онъ, между прочимъ, пишетъ Жуковскому: „Съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей; не безъ цѣли и значенья были мои поѣздки, удаленья и отлученья отъ міра; совершалось незримо въ нихъ воспитаніе души моей; я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся

71-108

въ священной для меня памяти друзей моихъ, и въ душѣ моей живетъ глубокая неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою на нижайшихъ и первыхъ ступеняхъ ея". Такія же самыя мысли высказываетъ Гоголь и въ письмѣ Смирновой. (Русская Ст. 478 стр.).

IV.

Въ то время, когда труднѣйшія ступени этой лѣстницы „воспитанія себя для другихъ" были пройдены, нашъ великій писатель рѣшается приступить къ своему второму душевному дѣлу, къ труду на благо всей Россіи, который долженъ былъ разрѣшить загадку его существованія: Гоголь пишетъ „Мертвыя души", эту великую поэму, которая должна была разбудить всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые спали мертвеннымъ сномъ грѣховнымъ, и направить ихъ въ міръ свѣтлыхъ идеаловъ, приблизить къ Богу и Его правдѣ.

Вотъ какъ Гоголь описываетъ процессъ созданія „Мертвыхъ душъ" одному изъ своихъ друзей, недоумѣвавшему, отчего герои Мертвыхъ душъ близки душѣ нашей, несмотря на то, что они сами по себѣ непривлекательны и непохожи на портреты дѣйствительныхъ людей. „Герои мои близки душѣ, потому что они изъ души. Всѣ мои послѣднія сочиненія исторія моей души. А чтобы лучше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя, какъ писателя... Ни у одного писателя, (кромѣ меня), не было дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся эта мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство... Но оно не развилось-бы въ такой силѣ, еслибы съ нимъ не соединялась... моя душевная исторія. Никто не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною... Во мнѣ, продолжаетъ Гоголь, заключалось собраніе всевозможныхъ гадостей, каждой понемногу и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я доселѣ еще не встрѣчалъ ни въ одномъ человѣкѣ. (За то) Богъ поселилъ мнѣ въ душу также, уже отъ рожденія моего, и нѣсколько хорошихъ свойствъ: лучшее изъ нихъ— *желаніе быть лучшимъ*. Я никогда не любилъ моихъ дурныхъ качествъ и не держалъ ихъ руки".

Далѣе Гоголь говоритъ, что еслибы ему открылись вдругъ разомъ всѣ дурныя качества, которыя онъ имѣлъ, то онъ-бы повѣсился; но они открывались ему мало-по-малу,—и въ то время, какъ они открывались, у него чуднымъ внушеніемъ свыше усиливалось желаніе избавиться отъ нихъ. Его осѣнила счастливая мысль передавать ихъ своимъ героямъ. „Съ этихъ поръ, говоритъ Гоголь, я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моей собственной дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался изобразить въ видѣ смертельнаго врага... преслѣдовалъ злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если-бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ—подъ пера моего вначалѣ, то онъ содрогнулся-бы". Самому Гоголю эти чудовища принесли несомнѣнную пользу. „Я, говоритъ онъ, отъ многихъ моихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также смѣяться". Но когда Гоголь читалъ написанныя имъ первыя главы своего произведенія Пушкину, то онъ, вначалѣ смѣявшійся, потомъ, дѣлался все серьезнѣе и серьезнѣе и, наконецъ, воскликнулъ: „Боже, какъ грустна наша Россія"! Это восклицаніе удивило Гоголя. Какъ это, думалъ онъ, Пушкинъ, великій знатокъ Россіи, не понялъ, что всѣ эти созданные мною образы—выдумки моего воображенія и каррикатуры. Послѣ этого Гоголь сталъ стараться о томъ, какъ-бы смягчить эти образы и то тяжелое впечатлѣніе, которое они могли произвести на читателя. „И вотъ злобныя каррикатуры смѣняются образами людей ничтожныхъ... въ нихъ собраны черты тѣхъ людей, которые считаютъ себя лучше другихъ. Тутъ кромѣ моихъ собственныхъ есть черты многихъ моихъ пріятелей, есть твои. Мнѣ потребно было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно и возвратить (это) ихъ владѣльцамъ". Такъ былъ написанъ Гоголемъ 1-й томъ Мертвыхъ душъ.

Гоголь надѣялся, что русскіе люди поймутъ его произведеніе и, читая его, переживутъ все то, что пережилъ творецъ его. Онъ думалъ, что герои его произведенія, вышедшіе изъ души автора и созданные изъ русскаго матеріала, заставятъ почув-

ствовать читателя, что они изъ его тѣла взяты, и стремиться стать другимъ, лучшимъ человѣкомъ... Но ошибся. Наиболѣе образованная часть общества и лучшіе цѣнители литературы восторгались художественнымъ изображеніемъ въ „Мертвыхъ душахъ“ Руси съ ея недостатками. Другіе, обозлились на Гоголя, узнавши себя въ разныхъ герояхъ поэмы, и съ остервенѣніемъ вступились за честь оскорбленной Россіи. Большинство же заурядной читающей публики отнеслось къ великому произведенію Гоголя, какъ сочиненію съ преинтереснымъ сатирическимъ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ жизни нашихъ помѣщиковъ. Гоголя не радовало такое отношеніе читателей къ его излюбленному произведенію. Съ грустію сообщаетъ онъ Шевыреву тяжелую для него истину, что „Мертвыхъ душъ“ читатели не поняли. „Всѣ принимаютъ, жаловался Гоголь, мою книгу за сатиру и личность, тогда какъ въ ней нѣтъ и тѣни сатиры и личности“.

Но не читателей своихъ обвиняетъ въ этомъ Гоголь, а самого себя. „Я началъ писать, не опредѣлявши себѣ обстоятельнаго плана“... „Я не готовъ еще, чтобы говорить обществу; иначе всѣ меня поняли бы. Я поторопился издать 1-й томъ“. „Нужно было мнѣ не соваться, говоритъ Гоголь, прежде чѣмъ не сдѣлаю собственнаго дѣла“, разумѣя подъ нимъ свое нравственное усовершенствованіе. Но сдѣланнаго не воротишь. И вотъ Гоголь, приступая къ продолженію „Мертвыхъ душъ“, опредѣляетъ себѣ обстоятельно планъ дальнѣйшей работы и считаетъ необходимымъ еще лучше „воспитать себя“ для этого труда. Увѣренный въ свое призваніе обратить народъ свой къ добру силою своего поэтическаго дара, убѣжденный, что „Богъ воздвигнетъ его духъ до надлежащей свѣжести, чтобы совершить работу всюду, на всякомъ мѣстѣ, и въ какомъ бы то ни было тяжеломъ состояніи тѣла“, Гоголь и самъ возносилъ горячія молитвы о томъ, чтобы Богъ придалъ его труду необходимую силу и выразительность, и взывалъ съ просьбою о молитвѣ за него къ своимъ друзьямъ. „Прошу васъ, пишетъ Гоголь близкой его душѣ Шереметевой, помолитесь обо мнѣ слезно и сильно, помолитесь о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, милосердый Отецъ нашъ, освѣженье моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда моего,—и котораго

недостаетъ у меня (для того), чтобы онъ (трудъ мой) доставилъ не минутное удовольствіе нѣкоторымъ, но душевное удовольствіе многимъ и чтобы всѣхъ равно болѣе приблизилъ къ тому, къ чему мы всѣ ежеминутно должны болѣе и болѣе приблизиться, т. е., къ Нему Самому, Небесному Творцу нашему". Въ этихъ словахъ Гоголь прекрасно опредѣляетъ характеръ и цѣль своего будущаго труда. Онъ будетъ писать сочиненіе не для удовольствія нѣкоторыхъ (эстетиковъ), а для того, чтобы каждаго изъ своихъ читателей приблизить къ Богу.

Соотвѣтственно этой цѣли, у Гоголя выработался такой планъ продолженія своего труда. Великому писателю, по его собственнымъ словамъ, хотѣлось, во 1-хъ) привести русское общество къ сознанію своей пошлости и нравственной ничтожности и вызвать „всенародное покаяніе"; во 2-хъ)—возбудить дѣятельное стремленіе къ нравственному возрожденію, и указать пути и дороги къ правдѣ и добру, къ прекрасному и высокому и, въ 3-хъ) съ одной стороны изобразить нравственное просвѣтлѣніе, какъ-бы воскресеніе изъ мертвыхъ, такихъ порочныхъ людей, какъ Плюшкинъ, Ноздревъ, и превращеніе ихъ въ людей добродѣтельныхъ, съ другой—представить живыхъ носителей христіанскаго идеала, существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, чтобы побудить каждаго своего читателя къ осуществленію этого идеала въ своей личной жизни. Въ образѣ этихъ послѣднихъ личностей Гоголь хотѣлъ „представить апоѳеозъ Руси", открыть несмѣтныя богатства русскаго духа и показать мужей, одаренныхъ божескими доблестями, и чудныхъ русскихъ женщинъ, какихъ не сыскать нигдѣ въ мірѣ.

Такимъ образомъ, воображенію Гоголя планъ предполагаемаго сочиненія представлялся очень ясно. Онъ напоминалъ Божественную комедію Данте съ адомъ, чистилищемъ и раемъ. Друзья Гоголя побуждали его поскорѣе приступить къ выполненію этого плана. Но Гоголь не очень торопился со своей работой: онъ все считалъ себя недостаточно нравственно воспитаннымъ, чтобы надлежащимъ образомъ справиться съ ней. Правда, онъ въ 1843 году брался за перо, но дѣло подвигалось впередъ медленно. Въ письмѣ 1843 г. 6 окт. Гоголь пишетъ: „Чѣмъ больше торопишь себя, тѣмъ менѣе подви-

гается дѣло. Да и трудно писать, когда внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ... Я знаю, что послѣ буду творить быстрѣе...; но до этого мнѣ еще не скоро достигнуть. Сочиненія мои такъ тѣсно связаны съ духовнымъ образованіемъ меня самаго, и такое нужно мнѣ до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, (глубокое воспитаніе), что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моего сочиненія". Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ съ большимъ усердіемъ работаетъ Гоголь надъ своимъ душевнымъ воспитаніемъ и тѣмъ успѣшнѣе подвигается его литературный трудъ. Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ: „...Скажу только, что милосердіе Божіе помогло мнѣ въ стремленіи моемъ. . Хоть я и вижу теперь неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня отъ совершенства, но вмѣстѣ вижу, что далеко (ушелъ) отъ того, какимъ я былъ прежде".

Въ письмахъ Гоголя за 1845 годъ иногда звучитъ радостный тонъ, при упоминаніи тѣхъ сочиненій его, которыя должны явиться въ недалекомъ будущемъ. Не считая цѣнными для „дѣла душевнаго" свои прежнія сочиненія, Гоголь пишетъ NN: Вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора... Во-все не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ и не то, что мнѣ приписываютъ есть предметъ „Мертвыхъ душъ". Это покамѣстъ тайна, которая должна вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ слѣдующихъ томахъ, если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь и благословить мой трудъ... Повторяю вамъ вновь, что эта тайна и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ автора. Была у меня гордость, но не моимъ настоящимъ, не тѣми свойствами, которыми я владѣлъ, а гордость будущимъ шевелилась въ груди моей. Счастливымъ открытіемъ Богу угодно было озарить душу мою... Повѣрьте, я хорошо знаю, что я дрянь и все дрянь, кромѣ того, что Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать".

Но въ 1846 году съ Гоголемъ произошло важное событіе. Въ этомъ году онъ былъ тяжко боленъ. Страданія его нерѣдко бывали до того невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось ему какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и об-

легченіе. А между тѣмъ, по словамъ самого страдальца, Богъ былъ такъ милостивъ къ нему тогда, какъ никогда дотолѣ. „Какъ ни страдало тѣло мое..., душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила ко мнѣ раньше въ минуты болѣе опасныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться". При помощи Божіей, Гоголю удалось рѣшить одну трудную задачу, и пережить одно важное событіе, послѣ котораго духъ его сдѣлался бодрымъ, свѣжимъ и располагалъ его приняться за перо... „О, какъ премудръ управляющій нами! пишетъ Гоголь своему другу. Когда я разскажу тебѣ потомъ всю судьбу мою и внутреннюю жизнь мою... и всю открою тебѣ душу, все ты поймешь тогда до единаго движенія... Скажу тебѣ, что не дѣло литературы и не слава занимали меня въ то время... Душа и дѣло душевное меня занимало, и трудную задачу нужно было рѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты поставилъ мнѣ на видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя... и всякія горькія и трудныя минуты... все на то, чтобы разрѣшилась во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не рѣшилась-бы во-вѣки. Вотъ все, что могу сказать тебѣ впередъ: остальное договорятъ тебѣ мое творенiе, если угодно будетъ Святой волѣ ускорить его".

Подъ трудною задачею, о которой Гоголь здѣсь говоритъ и которую ему пришлось при помощи Божіей рѣшить успѣшно, слѣдуетъ разумѣть первое сожженіе имъ продолженія „Мертвыхъ душъ". При постоянномъ стремленіи къ нравственному усовершенствованію, при непрерывной работѣ надъ собою въ этомъ направленіи, работѣ, соединенной съ молитвою, Гоголю могло представиться въ видѣ озаренія свыше, что все написанное имъ не соотвѣтствуетъ поставленной задачѣ „Мертвыхъ душъ"—служить душѣ и дѣлу душевному читателя, что въ одномъ мѣстѣ для этого не сдѣлано того-то, а въ другомъ опущено то-то. И вотъ, какъ справедливо предполагаетъ Г. Елисѣевъ, слѣдуя этому озаренію, Гоголь предаетъ сожженію свою рукопись Мертвыхъ душъ. И это дѣйствіе не только не повергаетъ его теперь въ уныніе, (въ какое онъ, напр., впалъ при сожженіи рукописи Мертвыхъ душъ передъ смертью), но приводитъ въ восторгъ. Вотъ что Гоголь пишетъ поэтому поводу одному изъ своихъ друзей: „Не легко было мнѣ сжечь

пятилѣтній трудъ, произведенный съ такими болѣзненными напряженіями, гдѣ каждая строка давалась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу сдѣлать это. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскресло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ подобно фениксу изъ костра,—и я увидѣлъ, въ какомъ безпорядкѣ было то, что я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ. Появленіе 2-го тома въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, произвело-бы скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Нужно принимать въ соображеніе не наслажденіе какихъ-либо любителей искусства, а пользу всѣхъ читателей, для которыхъ писались Мертвыя души. ...Бываетъ время (какъ нынѣшнее), когда нельзя устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, если не покажешь глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, когда вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ душъ", а оно должно было быть едва-ли не главное,—и потому онъ сожженъ", какъ сожженъ, спустя 5—6 лѣтъ, предъ смертію Гоголемъ и во второй разъ вновь написанное продолженіе „Мертвыхъ душъ".

Такъ поступилъ со своими произведеніями писатель, творившій не для удовольствія читателей, а для спасенія ихъ и обращенія ко всему высокому и прекрасному.

Продолжая послѣ этого трудиться въ прежнемъ направленіи надъ „дѣломъ своей жизни", Гоголь хотѣлъ приподнять предъ обществомъ, хотя немного, завѣсу этого дѣла. Второй томъ „Мертвыхъ душъ", въ которомъ отчасти указывались пути къ добру, былъ сожженъ. Между тѣмъ Гоголь считалъ своимъ долгомъ указать эти пути русскимъ людямъ, дать имъ руководство, какъ разрабатывать въ себѣ лучшія качества души. И вотъ онъ въ слѣдующемъ 1847 году издаетъ сочиненіе „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", въ которомъ указываетъ нѣкоторыя душевныя дѣйствія, а также и подвиги, которые онъ считалъ необходимыми для усовершенствованія души. Но указаніе этихъ подвиговъ и дѣйствій, здѣсь было сдѣлано Гоголемъ неполное. Въ предисловіи къ Выбраннымъ

мѣстамъ онъ говоритъ, что въ нихъ помѣщены изъ возвращенныхъ ему друзьями писемъ (не всѣхъ) только тѣ, которыя относились къ вопросамъ, волновавшимъ въ то время общество. Полное же указаніе путей и дорогъ къ прекрасному Гоголь предполагалъ сдѣлать во вновь составляемомъ второмъ, или, можетъ быть, третьемъ томѣ „Мертвыхъ душъ“. Объ этомъ онъ опредѣленно пишетъ Языкову, предлагая ему темы для лирическихъ обличеній: „Закричи во весь голосъ, чтобы онъ (прекрасный, но дремлющій человѣкъ) спасалъ свою бѣдную душу... Завопи воплемъ и выставь ему вѣдьму старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза,... которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ обратно! О, если бы ты могъ сказать прекрасному, но дремлющему человѣку, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если я доберусь *до третьяго тома* Мертвыхъ душъ“.

Но ни второй томъ, уже вполнѣ, повидимому, законченный, ни третій не увидѣли свѣта. Подвизаясь подвигомъ своей жизни, т. е., работая надъ „Мертвыми душами“ и въ то же время усовершенствуя себя духовно-нравственно, Гоголь, по словамъ Аксакова, достигаетъ въ концѣ концовъ такого высокаго душевнаго настроенія, которое уже не могло вмѣщаться въ тѣлесной оболочкѣ человѣка,—и праведный духъ его оставляетъ бренное тѣло и возносится къ Богу.

* * *

Кулишъ, другъ и біографъ Гоголя, въ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ его жизни говоритъ, что, почувствовавъ приближеніе смерти, больной Гоголь призвалъ къ себѣ графа Толстого, въ домѣ котораго онъ жилъ, и просилъ принять его на сохраненіе его рукописи, а по смерти отвезти къ митр. Филарету и просить его совѣта, что напечатать и что оставить не напечатаннымъ. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что считаетъ положеніе его безнадежнымъ; но этотъ отказъ имѣлъ ужасныя послѣдствія. Въ ожиданіи близкой смерти, Гоголь, по уходѣ графа, подвергъ строгой критикѣ себя и дѣло своей жизни. Каясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ и готовясь предстать на судъ Божій, онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ, загрязнившимъ елей, влитый въ него Создателемъ. Изливъ свою душу предъ Господомъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до 3-хъ часовъ ночи, Гоголь

рѣшился совершить подвигъ высокаго самоотверженія, за который однажды онъ уже былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ сожженаго „въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ".

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего слугу, велѣлъ ему растопить каминъ и сжегъ всѣ свои рукописи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бумагъ. Это было въ ночь на вторникъ 1-й недѣли Великаго поста, а въ четвергъ утромъ 2-й недѣли Гоголя уже не стало на свѣтѣ. Въ первые дни Великаго поста, пока въ домовой церкви Графа на верху отправлялось вечернее Богослуженіе, Гоголь ходилъ туда, хотя и съ великимъ трудомъ. Графъ, видя какъ изнуряетъ это Гоголя, прекратилъ у себя церковное служеніе. Тогда Гоголь, оставаясь днемъ почти безъ пищи, ночи проводилъ, стоя предъ образами въ теплой молитвѣ со слезами. Въ одинъ изъ этихъ дней Гоголь видѣлъ себя во снѣ мертвымъ, слышалъ какіе-то голоса и призналъ этотъ сонъ вѣщимъ. Мысль о скорой смерти своей глубоко запала въ душу Гоголя. Замѣчательны слова, которыя онъ въ это время сказалъ Хомякову: „Надо же умирать, а я уже готовъ и умру". (Шенр. 4, 353—354). Не вѣря въ лекарей и медицину, Гоголь искалъ облегченія въ своей болѣзни не отъ лекарствъ, а отъ св. Таинствъ Елеосвященія и Причащенія. Причастившись и особоровавшись въ понедѣльникъ 2-й недѣли Великаго поста, Гоголь все остальное время до смерти проводилъ въ молитвѣ, или въ молчаливомъ размышленіи, или въ бесѣдѣ со своимъ духовникомъ, о. Матвѣемъ, своими друзьями, а также приходскимъ священникомъ, которому митр. Филаретъ поручилъ ежедневно посѣщать больного. Послѣдними словами Гоголя, сказанными въ забытьѣ, были почти такія же, какія произнесъ предъ свою смертью святитель Тихонъ Задонскій: „Лѣстницу поскорѣе! давай лѣстницу!"

Смерть Гоголя чрезвычайно опечалила всѣхъ друзей его и родныхъ; особенно же горевала объ утратѣ своего дорогого сына старушка-мать. „Горе снѣдаетъ меня, писала она одному своему родственнику, хотя и стараюсь не показать его предъ дѣтьми своими, которыя и такъ неутѣшны. Получивъ это роковое извѣстіе, я не спала, не ѣла, не плакала, да и теперь не могу плакать или, лучше сказать, душевно плачу безъ слезъ. Я не роптала на Бога, узнавъ объ ударѣ, меня поразившемъ, а только

умоляю Его не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его Своими ангелами и дать ему радости неизглаголанныя".

Присоединимся и мы къ этому христіанскому моленію матери нашего великаго поэта, и своей молитвой о немъ исполнимъ также задушевное желаніе и его самого. Въ предисловіи, предпосланномъ своему „Духовному завѣщанію" и „Дружеской перепискѣ", Гоголь проситъ всѣхъ въ Россіи помолиться о немъ, начиная отъ Святителей нашихъ, вся жизнь которыхъ есть молитва. Онъ проситъ молитвъ и у всѣхъ, безъ исключенія, другихъ людей, какъ у тѣхъ, которые смиренно вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною. Какъ бы ни была безсильна и черства ихъ молитва, Гоголь проситъ и ихъ помолиться о немъ. Можетъ быть, говоритъ онъ, небесная милость превратитъ ее въ то, чѣмъ должна быть молитва.

Вмѣстѣ съ молитвой объ упокоеніи души нашего усопшаго писателя возблагодаримъ Бога и за Русь православную, что въ ней не угасаютъ свѣтильники Христовы, возжигающіеся въ разныхъ слояхъ нашего общества, чтобы дѣлать для насъ ясными пути жизни. Н. В. Гоголь, несомнѣнно, былъ такимъ свѣтильникомъ. Даже по словамъ людей, не очень доброжелательно къ нему расположенныхъ,—онъ въ своей жизни былъ „святой человѣкъ, мученикъ высокой мысли и въ то же время мученикъ христіанства" (Шенр. 4, 869.), всѣ же близко знавшіе его считали его праведникомъ, отъ дней юности до смерти восходившимъ по лѣстницѣ нравственнаго совершенства.—Это былъ великій и патріотъ-писатель, поставившій цѣлію всей своей жизни, посредствомъ врученнаго ему Богомъ поэтическаго дара, сдѣлать сыновъ Россіи—своихъ братьевъ—лучшими, совершеннѣйшими людьми.

Стремясь къ усовершенствованію и самого себя и своихъ соотечественниковъ, Гоголь, какъ истинный христіанинъ, работалъ на пользу Царствія Божія въ духѣ Церкви православной и согласно съ нею. Это именно, а не что другое каждый православный христіанинъ больше всего и долженъ цѣнить въ Гоголѣ. Гоголь былъ прежде всего великій христіанинъ, а потомъ уже великій писатель. *М. Добронравовъ.*

